

КУКЛЫ ОБСКИХ УГРОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ И КОМПЕТЕНЦИЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке совместного конкурса РГНФ и Администрации Томской области, проект № 14-11-70002 «Традиционная игрушка коренных народов Западной Сибири как фактор формирования этнокультурных смыслов и компетенций».

Статья посвящена анализу кукол коренных народов Западной Сибири – обских угров. Раскрыта значимость кукол в формировании смыслового поля культуры. Выявлены психологическая, педагогическая, деятельностная, социальная и мировоззренческая функции кукол. Доказано, что смена материалов, используемых для изготовления кукол, отразила эволюцию отношений человека с окружающим миром. Выявлено, что через конструктивные особенности в куклах раскрывается идея психосоматического единства человека. Сделан вывод о том, что куклы обских угров полисимволичны и играют важную роль в процессе инкультурации.

Ключевые слова: куклы; этнокультурные смыслы и компетенции; мировоззрение; инкультурация.

Процессы глобализации стирают и унифицируют самобытную культуру народов. Вместе с тем в последнее время наблюдается рост национального самосознания, стремление этнических сообществ возродить базовые блоки своей культуры. Указанные процессы активно идут и в Западной Сибири. В связи с этим появляется потребность в исследовании различных элементов культуры, сохранивших в себе основные мировоззренческие установки этноса, и вовлечении их в процесс формирования этнокультурных компетенций у подрастающих поколений. Одним из таких элементов у обских угров (хантов и манси) являются куклы, аккумулирующие психологическую, педагогическую, мировоззренческую функции и выступающие в традиционном обществе в качестве атрибута первичной инкультурации ребенка. Изучая роль традиционной куклы в процессе социализации ребенка, исследователи, как правило, рассматривают ее только как часть игровой деятельности. Однако кукла может приобщать ребенка к ценностям культуры только в том случае, если она сама наделена смыслами, выражающими эти ценности.

С куклой связана игра девочки. В играх она отображает жизнь, занятия бабушки, мамы, сестры. Статус девочки в будущем – хранительница очага, мать, хозяйка, поэтому посредством игры в ней воспитываются такие качества, как хозяйственность, женственность, доброта, терпение. Ухаживая за куклой-дочкой, девочка познает правила ухода за ребенком. Отец или дедушка изготавливает для этого маленькую детскую деревянную колыбельку. От старших родственников девочки узнают способы изготовления кукол, так как сначала кукол делают бабушка, мама или старшая сестра [1. С. 59, 61]. Гендерно-половая дифференциация кукол способствовала выработке у девочек в процессе игры определенных моделей поведения. А ролевые игры готовили их к вхождению в общество, построенное на определенных типах отношений между определенными социальными группами. Как видим, игра с куклой способствует выработке у девочки определенных личностных характеристик и трудовых навыков, в чем проявляются психологические и педагогические функции кукол.

Куклы у хантов различаются по половым и возрастным признакам. Есть «куклы-мужчины», «куклы-женщины» и «куклы-дети» (рис. 1). При этом оформление кукол различается в зависимости и от возраста кукол. Данное обстоятельство подчеркивает точность, с которой хантыйские дети воспроизводят половозрастные особенности окружающих людей. Изготавливая куклу, ребенок отмечает определенные особенности человека, оформляя куклу соответственно им [2. С. 43]. Главным различием кукол по мужским и женским половым признакам служит одежда, аналогичная традиционным костюмам взрослых. Подборка материалов – меха, лоскутков, лент, бисера, бус – и детализировка украшений производились настолько тщательно, что одетая кукла становилась живым отражением человека, доступным пониманию ребенка, удовлетворявшим его игровые требования и наталкивающим его на активную игровую деятельность [3. С. 122, 123]. При этом куклы-женщины выглядели нарядно и красочно, а куклы-мужчины намного скромнее [2. С. 44], что обуславливалось гендерной спецификой традиционного костюма.

В условиях значительной трансформации современной этнической культуры обских угров особое значение в плане изучения кукол играют музейные коллекции. Автор статьи подробно изучила коллекционные описи и отдельные предметы из собраний Российского этнографического музея (РЭМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамеры) (МАЭ РАН), что позволило получить дополнительный материал для анализа.

Как пример различия кукол в одежде, связанного с половозрастным признаком, приведем описания экземпляров, хранящихся в фондах РЭМ. Куклы были собраны С.И. Руденко у березовских хантов во время экспедиции 1909–1910 гг. «Куклы-мужчины» одеты в малицу (1711–321, 325, 327). «Куклы-женщины» одеты в меховую шубу (1711–303, 304, 306, 307, 312, 319, 322, 326, 328, 330) или платье (1711–305). «Куклы-дети» одежды не имеют и находятся в берестяной люльке (№ 1711–302, 311) [4. С. 142–147].

Костюм кукол представлял собой мини-копию взрослого. В нем четко противопоставлялась глухая

(мужская) и распашная (женская) одежда, особо подчеркивались платок и наконечные украшения женщин. Следует отметить, что «среди атрибутики женской одежды на первом месте стоял платок. Он маркировал статус женщины и выступал явной оппозицией девичеству, символом которого являлись косы» [5. С. 241]. Наконечные украшения как знак символизировали статус девичества, а как магическое средство выполняли креативную, коммуникативную и охранительно-очистительную функции [Там же. С. 259]. Таким образом, в куклах через материальный образ человека подчеркивались гендерная характеристика, оппозиция мужское – женское, а также особый магический статус женщины.



Рис. 1. Куклы юганских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 46)

Для выявления смыслов, заложенных в куклах, рассмотрим их конструктивные характеристики. С учетом данного признака кукол можно разделить на два вида. Наиболее архаичными признаны куклы с головкой из клювика птицы [6. С. 63]. Такие куклы имеются у северных хантов и зафиксированы в этнографической литературе у восточных хантов на Салыме, Васюгане (рис. 2). Что касается манси, то данных кукол у них не выявлено.



Рис. 2. Куклы из клювиков птиц
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 57)

Трактовка кукол первого вида в литературе неоднозначна. Согласно одной точке зрения, во-

площаемый в кукле, зависит от выбора клюва водоплавающей птицы. Так, голова из клюва лебедя означает шамана; большого гуся – мужчину; маленького гуся со светлым клювом – «главную», т.е. почитаемую женщину, или маму; утки – невестку, молодую хозяйку; с темным клювом – бабушку [Там же]. Согласно другой трактовке, с утиными носами шили кукол мужского пола [1. С. 62]. «Туловом», своего рода конструктивной основой этих кукол, служит прилегающая к клюву шкурка птицы. На нее нашиваются цветные полосы сукна, а сверху надевается одежда, имитирующая взрослую [7. С. 14]. Кукла-женщина обдорских хантов имеется в фондах МАЭ РАН (592–7). Ее основу составляет утиный клюв с пришитым к нему прямоугольным куском черного сукна [8. С. 4]. В фондах РЭМ аналогичные куклы хранятся в двух коллекциях: № 1711 (березовские ханты) и № 4047 (аганские ханты). Это «куклы-мужчины» с головой из гусяного (1711–321, 327) или утиного (1711–325) клюва, с туловом из полосок сукна, а также «куклы-женщины» с головой из клюва гуся (1711–303, 312, 322, 328), утки (1711–306, 307, 326, 330; 4047–369) или лебедя (4047–365), с суконным туловищем [4. С. 142–147; 9. С. 139, 140].

Другой вид кукол – это куклы, сделанные из ткани (рис. 3). Главным конструктивным элементом таких кукол, встречающихся у хантов и манси, является вертикальный стержень «тулова» из свернутой в несколько слоев полосы ткани, согнутой посередине. Верхняя часть свернутой ткани считается головой и по сути заменяет клюв утки. В рамках второго вида зафиксировано несколько подвидов, различающихся оформлением лица. Один из них – это куклы, лицо которых сделано из однотонной материи. Такой подвид кукол, встречавшийся у тобольских хантов, имеется в фондах МАЭ РАН в коллекции № 1151, поступившей в музей в 1907 г. от А.В. Журавского. Это «куклы-женщины», голова которых представляет собой лоскутки, обернутые красной (1151–1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 15, 17, 19, 20, 21), розовой (1151–10, 23), оранжевой (1151–13) или малиновой тканью (1151–22) [10. С. 1–6].



Рис. 3. Куклы из ткани (казымские ханты)
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 35)

Приведем описания хантыйских кукол из коллекций МАЭ РАН. Кукла-женщина из коллекции № 1151–7 с лицом из красной материи, с косами из розовой ткани, обмотанной коричневыми шерстяными нитками, соединенными посредине ниткой черного бисера. Спереди имеется украшение из такого же бисера. Одета кукла в шубу, состоящую из спинки и двух полок, надставленную по подолу мехом контрастного цвета. Кукла из коллекции № 2383–102, привезенная в 1914 г. студентом И.Н. Шуховым от хантов р. Казым [11. С. 1], представляет собой мужчину с лицом из красной с черной полосой материи. Одета в меховую одежду с капюшоном.

У восточных хантов наблюдалось большее разнообразие в оформлении лица у кукол (рис. 4, 5). На р. Юган скрученные полосы цветной ткани, обозначающие лицо, образуют овал или полуовал, на р. Аган и р. Тромъеган – сердечко, на р. Пим – концентрические круги [6. С. 63, 64; 12. С. 20].



Рис. 4. Кукла пимских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 40)



Рис. 5. Куклы юганских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 47)



Рис. 6. Кукла манси
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 20)

Следует отметить, что манси изготавливали куклы только из ткани (рис. 6). По литературным данным, они имели характерную особенность – туловище из тряпок с довольно большой, круглой тряпичной головой [3. С. 120]. По вещественным источникам, голова данных кукол не отличалась большим размером. Этот вид иллюстрируют куклы, хранящиеся в фондах РЭМ. «Куклы-мужчины», обнаруженные С.И. Руденко в 1909–1910 гг. у манси на рр. Сосьве, Сыгве, имеют туловище из одной или нескольких тряпочек. Они одеты в меховые парки (1710–314, 316, 321, 322). «Куклы-женщины», приобретенные у манси на рр. Лозьве, Сыгве, Сосьве, сшиты из ткани, имеют длинные косы, обмотанные шерстяными нитками. Одеты куклы в меховые шубы и платки (1710–311, 312, 313, 315, 318, 319, 320). «Кукла-ребенок», найденная у манси на р. Обь, изготовлена из тряпок. Она лежит в колыбели, сделанной из горловой кости гуся (1710–317) [13. С. 79–82].

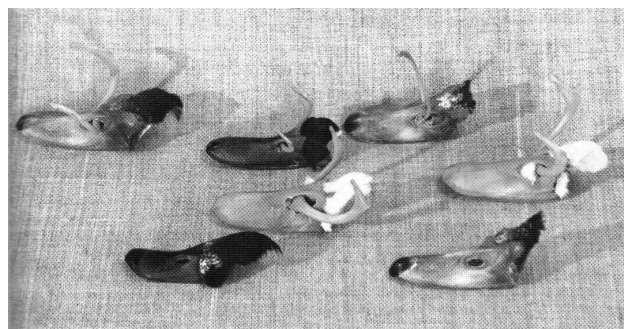


Рис. 7. Игрушки девочек – олени, изготовленные из клювиков птиц
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой.
Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 91)

Точкой отсчета в эволюции обско-угорских кукол следует признать куклы, изготовленные из шкурки с птичьим клювом. Образ куклы-человека выражался через часть тела птицы. Данное обстоятельство представляется неслучайным. Его трактовка предполагает обращение к глубинным мифологическим основам человеческого мышления. Одним из его признаков

является то, что «первобытный» человек не выделял себя отчетливо из окружающего природного мира и переносил на природные объекты свои собственные свойства [14. С. 164–165]. Характерной чертой в понимании хантами животного мира было полное или частичное уподобление его человеку [15. С. 155, 156]. Очевидно, использование для создания основы куклы-человека шкурки птицы иллюстрирует архаичный пласт в воззрениях обских угров.

При этом важно подчеркнуть, что птичий клюв становился куклой и приобретал значение человека только в том случае, если на нем появлялась одежда. Следует отметить, что у хантов зафиксирована игрушка-олень с туловом из клюва водоплавающей птицы, а рога имитирует вставленная в носовое отверстие изогнутая грудная косточка птицы (рис. 7). Характерно, что олени из «клювиков» предназначались для девочек, ими изготавливались и хранились [16. С. 234]. Таким образом, «голый» утиный клюв мог изображать оленя, но клюв, обернутый в ткань, олицетворял только человека. Следовательно, первым, что отделяло в игрушках «человека» от «животного», являлось не создание антропоморфного облика, а введение материала, созданного человеком [17. С. 243]. Большое внимание, уделяемое одежде кукол, неслучайно. Как было отмечено выше, одежда куклы подчеркивала самые характерные черты в социальном статусе человека. Кроме того, в рамках мифологического сознания особенно тесные отношения связывали человека с одеждой. Одежда была семантически эквивалентна таким понятиям, как кожа, шкура. В более широком смысле одежда являлась воплощением внешнего образа человека, его материализованной субстанцией [18. С. 134].

На всех обско-угорских куклах присутствует комплект одежды, повторяющий взрослую, – сак или шуба, платок, накосные украшения. Однако процесс одевания кукол был, видимо, длительным, и одежда, имитирующая подлинный костюм, – явление довольно позднее. Вначале это была не игрушечная одежда, а ее символ – кусочки ровдуги, ткани. Достаточно было символически обозначить одежду, чтобы подчеркнуть в игрушке образ человека, отделить его от животного мира [17. С. 243, 244]. Дальнейшее развитие кукол шло в русле вытеснения из куклы её «природной» основы. Она полностью входила в рукотворный мир людей. Появились куклы из кусочков цветных тканей. Указанные превращения кукол, видимо, отразили формирование новой парадигмы в человеческом мышлении – разделение человека и природы, установление между ними субъектно-объектных отношений. Таким образом, куклы обских угров отразили эволюцию отношений человека с окружающим миром от их слитности до полного разделения.

Еще один выход игры с куклой в сферу этнокультурных смыслов сопряжен с подготовкой ребенка к восприятию мифологической картины мира, т.е. инкультурацией. Для мифологического сознания события первотворения представляются реальными и определяющими реальность. Мифологическая картина мира мозаична, она складывается из разных кусочков, а структурирующую функцию выполняет ритуал.

Один из таких кусочков мировоззренческой панорамы формируется с помощью кукол. При его реконструкции путеводной нитью служит конструктивная специфика наиболее архаичного вида кукол – из птичьих клювов со шкуркой. Образ человека в кукле передается через шкурку птицы, и тем самым отождествляются две разновидности живых существ. Согласно традиционным представлениям манси, душа умершего человека попадала на землю предков (в загробный мир. – Н.З.) в образе птицы, и только птицы могли попадать туда, вернуться же в мир людей возможно было лишь через вселение в тело новорожденного ребенка. Ханты на гробе рисовали птицу, чтобы крепче привязать душу покойного к месту погребения [19. С. 88, 89; 20. С. 154]. Как видим, образ птицы нес в себе большую символическую нагрузку. С птицей были связаны пути в иной мир и обратно, птица была связующим звеном между человеком и богами. А самое главное, птица выступала символом души.

Образ птицы в мифологии обских угров многогранный. Птица служит воплощением демиурга: кулика – у хантов и гагары – у манси, эманацией верховного владыки Торума и его сыновей, включая Мирсусне-хума, богини земли Калтась-эквы, преобразованным обликом культурного героя Эква-пырьсь [21. С. 63, 272, 172, 298, 299, 353]. Разносторонность мифологического образа птицы, наделение его различными ипостасями естественного и сверхъестественного свойства, очевидно, несли идею единства окружающего мира в разных формах его бытия. Кукла способствовала усвоению этой идеи, своей материальной основой она незаметно подготавливала детское сознание для этого важного мировоззренческого вывода.

До сих пор речь шла об игрушке в плане реального содержания игры. Попытаемся посмотреть на нее с точки зрения плана возможного. В указанном ракурсе ключевым понятием становится модель. Исследовательница хантыйской культуры А.М. Тахтуева определила игрушки как «набор предметов будущих занятий в миниатюре» [1. С. 62], т.е. уменьшенных копий реальных предметов. Данное количественное преобразование, по мнению классика этнологии К. Леви-Строса, имеет далеко идущие последствия. Оно делает многообразной власть человека над подобием вещи [22. С. 132].

Во-первых, человек становится субъектом – активным деятельностным началом, влияющим на процессы, явления, вещи. Статус субъекта, или, по выражению В.Н. Топорова, «творца», человеку придает процесс изготовления им вещи, точнее, его толкование мифологическим мышлением. Доведя человека до определенной черты, т.е. способности создавать вещи, демиург передает свою «творящую» функцию самому человеку [23. С. 9]. Созидательность процесса усиливается при создании не просто аналога образцу, но его уменьшенной копии, модели. Сюжет с включением всех рассматриваемых категорий – творец, человек, кукла, игра – неоднократно обыгрывается в обско-угорской мифологии. В ней отождествляются люди и куклы, первые определяются через вторых как «кукольнолицы». Переход от мифического времени к «человеческому» характеризуется так: «В дальней-

шем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, до окончания песни, до окончания сказки» [21. С. 118]. Составитель и автор вводной статьи к указанному изданию Н.В. Лукина трактует текст следующим образом: люди – это куклы богов, которыми они забавляются [24. С. 43]. Мысль следует продолжить: девочка превращалась в творца, когда играла в куклы. В обоих случаях речь идет о моделировании будущего устройства жизни, в одном случае в качестве субъекта выступают боги, в другом – дети [25. С. 189].

Во-вторых, обращение к модели, по мнению К. Леви-Строса, предоставляет возможность перейти от чувственного восприятия к «умопостигаемым измерениям», при этом в уменьшенной модели познание целого предшествует познанию частей [22. С. 132, 133]. Поскольку кукла служит моделью человека, она должна нести существенную информацию о нем самом. Подсказкой для реконструкции «умопостигаемого измерения» человека через куклу служит одна традиционная норма – запрет на изображение лица. Объяснение этого табу, универсального для всех видов и подвидов кукол, звучит так: чтобы в куклу не вселилась душа. Следовательно, кукла олицетворяла не всего человека, а лишь его телесную, соматическую

составляющую. Но не стоит забывать о древнейшем материале, используемом для изготовления основы куклы – шкурке птицы. Птица в мировоззрении обских угров являлась символом души. Если соединить полученные смыслы, то получается, что кукла отражала психосоматическое единство человека в традиционной культуре обских угров.

Как видим, куклы обских угров полисимволичны и наделены глубоким мировоззренческим содержанием. Кроме психологической и социальной функций, выделяемых исследователями применительно к куклам, они выполняли и другую важную функцию, предполагавшую подготовку к восприятию мифологической картины мира. Идея перводеи реализовывалась через куклу, изготовленную из шкурки водоплавающей птицы, символизировавшей акт первотворения. Таким образом, в традиционной культуре проявлялась идея единства окружающего мира в разных формах его бытия. Кукла способствовала усвоению этой идеи. Кроме того, кукла служила средством моделирования окружающей действительности: девочки становились сопричастны функции творца, когда играли в куклы. Возращение в обиход традиционной куклы позволит возродить традиционные нормы и приобщить подрастающее поколение к мировоззренческим установкам народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тахтуева А.М. Игры и игрушки в традиционном воспитании хантыйской семьи // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1996. Вып. 3. С. 58–65.
2. Оберталлер П.М. Материалы о хантыйских куклах // Советская этнография. 1935. № 3. С. 42–49.
3. Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка народов Обского Севера // Советская этнография. 1949. № 3. С. 109–132.
4. РЭМ. Коллекционная опись № 141. 216 с.
5. Рындина О.М. Украшения из металла. Семиотический статус // Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск, 2008. С. 233–259.
6. Федорова Н.Н. Традиционная игрушка Обского Севера: куклы, олени. Синкретический характер игры и игрушки // Космос Севера. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 59–65.
7. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. 296 с.
8. МАЭ РАН. Опись коллекции № 592. 18 листов.
9. РЭМ. Коллекционная опись № 141а. 386 с.
10. МАЭ РАН. Опись коллекции № 1151. 6 листов.
11. МАЭ РАН. Опись коллекции № 2383. 12 листов.
12. Тахтуева А.М. Хантыйская колыбель, детская одежда и кукла // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. Вып. 1. С. 15–20.
13. РЭМ. Коллекционная опись № 115. 116 с.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000. 408 с.
15. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.
16. Федорова Н.Н. Традиционная игрушка хантов – олень и ее синкретичный характер // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 232–234.
17. Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 222–252.
18. Рындина О.М. «Философия вещей» как универсалия традиционного мировоззрения // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 127–139.
19. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. 138 с.
20. Соколова З.П. Ханты. Семейная обрядность // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 142–166.
21. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. 568 с.
22. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999. С. 112–336.
23. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 7–11.
24. Лукина Н.В. Введение // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 5–58.
25. Рындина О.М., Золотарева Н.В. Кукла обских угров в дихотомии реального и возможного // Этнокультурное наследие народов Севера России : к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2010. С. 183–190.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 25 мая 2014 г.

DOLLS OF THE OB-UGRIC PEOPLES AS A FACTOR OF FORMING ETHNIC AND CULTURAL MEANINGS AND COMPETENCIES

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 79–84. DOI: 10.17223/15617793/386/12

Zolotareva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Natashik@sibmail.com

Keywords: dolls; ethnic and cultural meanings and competence; outlook; enculturation.

With the growing interest in traditional culture there appears a desire to study the elements that have preserved basic worldviews of peoples. Dolls of the Ob-Ugric peoples are elements of a traditional society which are the primary attribute of children's enculturation. As the traditional toy does not exist at present, the paper analyzes the dolls of the largest collections of the Russian Ethnographic Museum and the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstammer). The Ob-Ugric peoples had two kinds of dolls: made of beaks and skins of a bird and made of a fabric. In the first type the image of a doll was expressed by birds, reflecting the union of the person and the natural world. The bird's beak became the doll and was given the human value only if it was clothed. All the dolls have a set of adult clothes. The clothes are the embodiment of the external image of the person. The clothes of the dolls showed the gender characteristics, male-female opposition, the special magic status of women. The evolution of manufacturing materials reflected the formation of a new paradigm in human mentality – the separation of the person and nature, the establishment of subject-object relations between them. If we look at the doll in the context of the possible content of a game, we come to a certain conclusion. The demiurge passes the ability to create to the human. Thus, the girl turned into a creator when she made and played with dolls. Another method of playing with a doll in the sphere of ethnic and cultural meanings supposes to address to the concept of the model. Whereas the doll is a model of people, it shall carry essential information about them. All the dolls have no face, so that no "spirit" would enter them. Thus, the doll symbolizes the external shape of the person. It is evidenced by detailing of the traditional costume because clothing is the personification of the material human image. The most ancient material used for making dolls was skins of birds. The bird was a symbol of the soul in the mentality of the Ob-Ugric peoples. So, dolls expressed the idea of the psychosomatic unity of the person in the traditional ideology of the Ob-Ugric peoples. Thus, the dolls of the Ob-Ugric peoples are endowed with a deep philosophical meaning. In the traditional culture they performed the psychological, social function of enculturation. When making and playing with doll girls developed personality traits, work habits, behaviors, learned the gender division of society and conceived the hidden meanings of the mythological picture of the world.

REFERENCES

1. Takhtueva A.M. *Iгры i igrushki v traditsionnom vospitanii khantyyskoy sem'i* [Games and toys in the traditional education of the Khanty family]. In: Lukina N.V. (ed.) *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of the North-Western Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1996. Issue 3, pp. 58-65.
2. Obertaller P.M. Materialy o khantyyskikh kuklakh [Materials about Khanty dolls]. *Sovetskaya etnografiya*, 1935, no. 3, pp. 42-49.
3. Reynson-Pravdin A.N. Igra i igrushka narodov Obskogo Severa [Game and toy of the peoples of the Ob North]. *Sovetskaya etnografiya*, 1949, no. 3, pp. 109-132.
4. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 141, 216 p.
5. Ryndina O.M. *Ukrasheniya iz metalla. Semioticheskiy status* [Metal decorations. Semiotic status]. In: Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. *Khanty Salym'skogo kraya: kul'tura v arkhologo-etnograficheskoy retrospektive* [Khanty of the Salym region: culture in archaeological and ethnographic retrospect]. Tomsk: TSU Publ., 2008, pp. 233-259.
6. Fedorova N.N. *Traditsionnaya igrushka Obskogo Severa: kukly, oleni. Sinkreticheskiy kharakter igry i igrushki* [Traditional toy of the Ob North: dolls, deer. Syncretic nature of games and toys]. In: Lagunova O. (ed.) *Kosmos Severa* [Cosmos of the North]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2002. Issue 3, pp. 59-65.
7. Ivanov S.V. *Skulptura narodov Severa Sibiri XIX–pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of North Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 296 p.
8. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 592. 18 p.
9. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 141a. 386 p.
10. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 1151. 6 p.
11. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 2383. 12 p.
12. Takhtueva A.M. Khantyyskaya kolybel', detskaya odezhda i kukla [The Khanty cradle, baby clothes and doll]. In: Lukina N.V. (ed.) *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of the North-Western Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1994. Issue 1, pp. 15-20.
13. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 115. 116 p.
14. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 408 p.
15. Kulemzin V.M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in the Khanty beliefs]. Tomsk: TSU Publ., 1984. 192 p.
16. Fedorova N.N. [Khanty traditional toy – deer, and its syncretic character]. *Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika. Materialy XI Zapadno-Sibirskoy arkhologo-etnograficheskoy konferentsii* [Life support system of traditional societies in ancient and modern times. Theory, methodology, practice. Proceedings of XI West-Siberian archeology and ethnography conference]. Tomsk, 1998, pp. 232–234. (In Russian).
17. Pavlinskaya L.R. *Igrushka i mir rebenka v traditsionnykh kul'turakh Sibiri* [Toy and the child's world in the traditional cultures of Siberia]. In: Kon I.S., Taksami Ch.M. (eds.) *Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri* [Traditional parenting of the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1988, pp. 222-252.
18. Ryndina O.M. *"Filosofiya veshchey" kak universalnaya traditsionnogo mirovozzreniya* ["The philosophy of things" as a universal of the traditional worldview]. In: Ryndina O.M. (ed.) *Traditsionnoe soznaniye: problemy rekonstruktsii* [Traditional consciousness: problems of reconstruction]. Tomsk: NTL Publ., 2004, pp. 127-139.
19. Popova S.A. *Mansiyskie kalendarnye prazdniki i obryady* [The Mansi calendar holidays and ceremonies]. Tomsk: TSU Publ., 2008. 138 p.
20. Sokolova Z.P. *Khanty. Semeynaya obryadnost'* [The Khanty. Family rituals]. In: Gemuyev I.N. (ed.) *Narody Zapadnoy Sibiri* [Peoples of Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 142-166.
21. Elevich I.L. (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 568 p.
22. Levi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. Translated from French by A. Ostrovskiy. Moscow: Respublika Publ., 1999, pp. 112-336.
23. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in mythopoetics. Selected works]. Moscow: Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 7-11.
24. Lukina N.V. *Vvedenie* [Introduction]. In: Elevich I.L. (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 5-58.
25. Ryndina O.M., Zolotareva N.V. *Kukla obskikh ugrov v dikhonomii real'nogo i vozmozhnogo* [Doll of the Ob-Ugric peoples in the dichotomy of the real and the possible]. In: Pivneva E.A. (ed.) *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z.P. Sokolovoy* [Ethno-cultural heritage of the peoples of the Russian North: on the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z.P. Sokolova]. Moscow: Novosti Publ., 2010, pp. 183-190.

Received: 25 May 2014